

Ольга Петрова

Дети зимы

12+

Ольга Петрова

Дети зимы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Петрова О. А.

Дети зимы / О. А. Петрова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Вокруг молодой девушки Аси Быстровой неожиданно начинается разворачиваться цепь трагических событий. Сначала ее саму похищает незнакомый мужчина, назвавшийся армейским другом отца, вслед за этим она узнает о том, что в Греции на отдыхе погибли ее родители и младшая сестренка, а в студенческом лагере кто-то убивает ее соседку по палатке, которая заснула в спальном мешке Аси. Девушка оказывается единственной наследницей отцовского бизнеса, и поэтому подвергается большой опасности. Похитивший ее Филипп Орлов становится для Аси телохранителем и другом. С его помощью девушке удастся спастись во время последующих покушений, узнать тайну рождения своего отца и обрести младшего брата. Она узнает о предательстве самых близких родственников и убеждается в верности друзей.

© Петрова О. А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Ольга Петрова

Дети зимы

Между прошлым и будущим

«Звезды управляют слабыми,
мудрые управляют звездами!»
Экклезиаст 1,10

Глава 1

Темное бархатное небо казалось абсолютно черным, а яркие кляксы желтых звезд еще больше усиливали это впечатление. В узкое окно палатки, затянутое тонкой зеленой сеткой, был виден кусочек круглой луны, второй день висевшей во всем своем великолепии над при- тихшей степью.

Именно этот факт – присутствие лунного диска на небосводе не давал Асе спокойно спать по ночам.

Казалось бы, ничто вокруг не менялось: так же самозабвенно пели сверчки, недалеко мирно шелестело море, где-то вскрикивали ночные птицы- все было как обычно, а отчего-то не спалось.

Ася с тоской посмотрела на дисплей своего мобильного, почти час ночи, а ведь завтра рано вставать, поскольку незаметно подошла очередь помогать дежурным по кухне.

Понимая, что заснуть все равно не удастся, Ася нехотя вылезла из-под махровой про- стыни, потянулась и неслышно выскользнула в густую вязкую темноту.

Ночь обняла зябкой прохладой. Ася даже пожалела, что не захватила с собой джинсовую куртку, но возвращаться не захотела и, поеживаясь на ходу, она медленно побрела к морю.

Лагерь спал. Угомонились даже любители поздних посиделок у костра. Уже больше полу- часа не было слышно бардовских песен под гитару и громких споров о смысле жизни.

Ася уверенно шла знакомой тропинкой, не боясь оступиться в призрачном лунном свете. На душе по-прежнему было беспокойно. Стараясь заглушить тревогу, появившуюся неиз- вестно откуда, девушка поспешила на берег, надеясь, что ее успокоит шум набегающих волн и легкий ветерок, поднявшийся к ночи. Днем было очень жарко, и сейчас Ася наслаждалась наступившей прохладой. Дрожь, охватившая поначалу, прошла, и теперь девушка с удоволь- ствием подставляла лицо порывам воздуха, который так чудесно пах морем и степью.

На поверхности воды ясно прорисовывалась лунная дорожка, покрытая мелким круже- вом легких волн.

Ася присела на большой валун, за день прогретый солнцем и теперь щедро отдающий тепло.

«Боже, до чего же красиво! Аж, дух захватывает!» – она и впрямь с трудом перевела дыхание.

Лунная дорожка легкой рябью дрожала на спокойной темной воде. Бескрайнее черное небо, усыпанное крупными золотыми звездами, отражалось в бездонности моря, словно в ста- ринном венецианском зеркале, потускневшем от времени, но ставшем от этого еще дороже и интереснее. Ветер почти стих, лишь на лице ощущалась влажная ночная прохлада. Теплый воздух разрывали трели сверчков, да иногда доносился отдаленный лай собак из хутора Недви- говка.

Вожделенный Танаис! Мечта детства! Его история, словно любимая сказка, всегда при- ступствовала в памяти Аси Быстровой.

Когда-то в юности ее мама, будучи студенткой исторического факультета Ростовского университета, попала на раскопки древнего города и заболела его тайной на всю жизнь. Каждое лето она возвращалась сюда, даже став взрослой семейной женщиной. Ее ничто не могло остановить: ни маленькая дочь, ни тяжелая болезнь.

Мама умерла тридцать первого декабря, когда вся страна в преддверии нового года резала салат оливье, жгла бенгальские огни и украшала елку, хлопая пробками от шипящего шампанского, которое не терпелось выпить, провожая старый год.

Папа тоже открыл бутылку дорогого французского шампанского и наполнил три хрустальных бокала. В асин он налил совсем немного, но она и от такой щедрости была в восторге. Осторожно сжимая хрупкую хрустальную ножку в тоненьких пальчиках, она забралась к маме на кровать и вместе с родителями чокнулась переливающимися всеми своими гранями сказочными фужерами.

Слушая нежный перезвон хрусталя, ощущая на языке приятную колючесть шампанского, Ася подняла на маму глаза и поняла, что ей плохо. То есть это в первый момент Асе показалось, что маме стало плохо, а потом она как-то сразу поняла, что мама умерла.

Она лежала на подушке, закрыв глаза, и тонкие, ставшие во время болезни почти прозрачными, руки безвольно упали вдоль пушистого пледа, который так нравился ее маленькой дочери. Бокал перевернулся, и шампанское темной лужицей впитывалось в пушистый шоколадный ворс.

Ася, сидевшая у мамы в ногах, видела, как серые тени, которые все время подбирались к маминим глазам, когда ей становилось хуже, полностью завладели ее лицом. И новая небесно-голубая блузка с жемчужными пуговками, привезенная папой из Парижа как новогодний подарок, теперь только подчеркивала то, что жизнь из маминого тела ушла навсегда. Глядя маме в лицо, Ася осознала, что и ее детская жизнь уходит безвозвратно. В один миг все вокруг стало серым и тусклым.

Как все было дальше, Ася старалась не вспоминать.

Зато ей очень нравилось вспоминать последнее лето перед школой. Тогда Ася ощущала себя взрослой и самостоятельной, и гордилась тем, что ей только что исполнилось семь лет. Именно в том жарком августе мама, которая чувствовала себя хорошо и утверждала, что жизнь прекрасна, взяла ее с собой на раскопки в Танаис.

Врачи сказали, что у мамы устойчивая ремиссия и разрешили ей вести привычный образ жизни.

Привычный образ означал поездку в Танаис. Более счастливого времени в жизни Аси не было никогда. Именно тогда она наслушалась легенд о готах и варварах, сарматах и венецианцах, прикоснулась к бесценным амфорам и старинным украшениям.

Но чудесное лето быстро пролетело, за ним наступила промозглая осень, которую сменил безрадостный декабрь. Именно в ту зиму Ася поняла, что не любит новый год, перестав верить в деда Мороза и чудеса в одну минуту. В ту самую, когда возненавидела голубой цвет и вкус шампанского.

Все свое школьное детство Ася мечтала вернуться в Танаис и вдохнуть неповторимый запах моря, степной полыни и походного костра.

Ей хотелось самой пропускать сквозь пальцы рыжеватую землю древних поселений, надеясь почувствовать связь времен. Она приложила немислимые усилия для того, чтобы ее, студентку журфака, взяли на раскопки, чтобы отец, не желавший слышать даже слова «Танаис», отпустил ее сюда, несмотря на то, что он весь год планировал со всей семьей провести отпуск в Греции у своего старого друга. И вот теперь ей отчего-то было невыносимо грустно и тоскливо.

Ася не могла объяснить даже себе самой, что с ней происходит, почему серая тоска, обнявшая огромными липкими лапами, накатила так внезапно. Это случилось и раньше. Ася

всегда с большим трудом выцарапывала свое сознание из этого ужасного состояния тревоги. Сейчас она надеялась, что ей поможет небольшая прогулка к морю. Однако легче не стало.

Вздыхнув, Ася поднялась с камня, который еще вчера днем белобрысый Венька по ее просьбе подтащил к самой воде. Сейчас она подумала, что именно мысль о Веньке и не давала ей покоя. Похоже, парень не на шутку влюбился и теперь жаждал взаимности, постоянно находясь где-то рядом. Ася этого не терпела. Границы ее жизненного пространства оставались всегда незабываемыми. А уж в душу свою она и подавно никого не пускала.

Венька же все время пытался рассказать ей, что он чувствует, о чем думает. Его размышления отчасти были очень детскими, отчасти слишком мужские. И то, и другое Асе было неинтересно, и чтобы скрыть свое безразличие к духовным исканиям новоявленного ухажера, приходилось делать усилие. Это раздражало. Тем более, что Венька был младше на два года, и данное обстоятельство способствовало проявлению чувства вины. Все это Асе было ни к чему.

Она провела на раскопках неделю, и если бы не постоянный венькин щенячий восторг и его бесконечные вопли типа: «Респект и уважуха, мадам!», девушка была бы абсолютно довольна исполнением своей детской мечты. Она не любила привлекать к себе внимание и совсем не хотела находиться в центре событий.

Ася нехотя встала и потянулась, расправив плечи. Нужно было возвращаться в палатку: хочется – не хочется, а утром она заступала на дежурство по кухне, что означало раннее пробуждение в половине шестого.

Подойдя к воде совсем близко, Ася сняла кожаные шлепки на высокой деревянной подошве и с удовольствием погрузила узкие ступни в теплую ласковую воду. Море ее всегда успокаивало.

Она постояла, бездумно разглядывая отсветы луны на темной воде и покачиваясь в такт движения волн. Потом вздохнула, подхватила шлепки и, еще раз потянувшись, с сожалением вышла из моря и направилась по тропинке вверх, настраиваясь на крепкий сон и убеждая себя, что тревога ее напрасна.

Лагерь окончательно затих. Догорал костер. Ася юркнула в дверь своей палатки, стараясь производить как можно меньше шума. Соседки Кристины, студентки исторического факультета, похоже, все еще не было. Очевидно, ее свидание с молодым преподавателем их университета, переросло в нечто большее.

Порадовавшись за недавно появившуюся подругу, Ася обернулась к двери с намерением застегнуть москитную сетку на молнию.

В это мгновение чья-то жесткая рука грубо зажала ей рот, кто-то очень сильный одним движением сложил ее пополам, больно надавив на живот, и увлек в темноту.

Асе показалось, что от ужаса, охватившего ее, сердце стало биться в каком-то ином ритме, очень быстро и нечетко. Она попыталась вывернуться из-под тела, которое навалилось на нее.

Казалось, что этот человек состоял из одних костей, настолько неудобны были его касания. Попытка освободиться или хотя бы ослабить его хватку не удалась.

В самый первый миг Ася подумала, что схватил ее Вениамин, страсть которого окончательно вышла из-под контроля. Но почти сразу же она поняла, что ошибается. Это был не Венька.

Мужчина, сжавший ее в объятиях и поваливший в угол палатки, был ей не знаком. С детства она делила всех людей по запаху, обладая почти сверхъестественным обонянием. Иногда этот дар природы играл с ней в злые шутки, не позволяя находиться в маленьких помещениях при большом скоплении народа. Ей часто становилось плохо в душных классах школы. Она могла потерять сознание в автобусе или маршрутке. А если рядом с ней оказывался человек с резким запахом парфюма, смешанного с запахом пота, ей казалось, что она умирает.

Венька всегда благоухал сладкой туалетной водой и ментоловой жевательной резинкой. От человека, напавшего на нее сейчас, пахло вполне нормально, как ни странно, даже приятно. И он точно не был ей знаком.

На миг рука, зажимавшая рот девушки, ослабела, и приятный мужской голос, приглушенный до шепота, внятно произнес:

– Только не кричи, Кассандра. Я твой друг.

То, что он назвал ее полным именем, о котором в лагере археологов никто не знал, и испугало, и успокоило одновременно. Ася перестала вырываться.

Имя свое она не любила, но выбрала ей его мама, и даже отец, тогда еще курсант, ошалевший от счастья раннего родительства, не стал спорить с любимой женой и согласился назвать дочь столь странно и загадочно.

Маме же ранний брак и появление необыкновенной дочери нагадала в день выпускного вечера бродячая цыганка, которая непонятно как оказалась на школьном дворе, где всю развлекались вчерашние ученики.

Потряхивая блестящими браслетами на руках, гадалка произнесла зловещим голосом: «Кассандру родишь, Кассандру! Предсказательницу!», чем напугала и без того взволнованную девушку.

Почему-то маме запало в душу это предсказание. Она никогда папе не пересказывала его полностью, но очень часто вспоминала отдельные высказывания гадалки.

Как бы там ни было, дочь она назвала Кассандрой, но для всеобщего удобства тут же переименовала малышку в Асю, чему все были несказанно рады. И сама Ася в том числе.

Однако незнакомец, обратившийся к ней только что, видимо, был в курсе давних семейных событий.

Осмелев, Ася попыталась освободиться.

– Пустите меня сейчас же! Больно ведь, – прохрипела она.

– Обещай не шуметь. Меня никто не должен видеть.

Жесткая хватка ослабла, и Ася тут же вскочила на ноги.

– Немедленно убирайтесь отсюда! Кто вы такой?

– Порядок команд стоило бы изменить, девушка, – в голосе незнакомца, сидевшего в углу палатки, послышалась легкая насмешка.

Ася силилась рассмотреть его, безрезультатно вглядываясь в темноту. Одно было понятно: мужчина оказался высоким, потому что ноги ему пришлось вытянуть вдоль всей длины палатки. И вообще его было очень много, Ася поняла, что ей некуда переступить. А пахло от него свежестью и лесом. Она втянула этот запах глубоко и почувствовала себя гораздо спокойнее. Вопрос повторила уже нормальным тоном:

– Так кто же вы такой? И откуда знаете, что я Кассандра?

Мужчина подтянул ноги и согнул их в коленях, обняв руками. После этого, громко переведя дыхание, нехотя произнес:

– Я друг твоего отца. Когда-то он спас мне жизнь. Мы вместе служили в Афганистане. Но сейчас я гонец, который принес плохие вести...

– Я что-то ничего не понимаю, – Ася почувствовала, что страх, возникший при появлении этого человека, а потом отступивший, возвращается с новой силой.

– О чем вы говорите? Какие плохие вести?

– Ты должна мне поверить. Несколько часов назад твой отец с женой и маленькой дочерью погиб. Он взорвался на яхте какого-то греческого миллионера, – мужчина обхватил своими большими руками голову и завозился, словно пытаясь стать меньше и куда-нибудь пристроить свои слишком длинные конечности. – Ты в опасности, Кассандра. Я здесь, чтобы спасти тебя.

Ася не понимала, о чем он говорит. Слова звучали как-то по-киношному безотносительно, не цепляя ее сознания. Все-таки она смогла ему возразить:

– Боюсь, что вы ненормальный. Вы несете полную чушь. Я сегодня утром говорила со своими родителями. У них все прекрасно. Папа с Аней и Катюшкой собирались на морскую прогулку...

Она осеклась, будто услышав свой голос со стороны. Утром, она говорила с родителями. Утром... А потом был долгий день и непонятная тревога, разъедавшая ее сознание. В голове стало гулко, а сердце, казалось, перестало биться совсем. Еле ворочая языком, она произнесла:

– Этого не может быть.

И опустила на жесткий пол палатки. Мужчина, сидевший в углу, пошевелился, словно порываясь ей помочь, но тут же замер.

– У нас с твоим отцом была договоренность: если с ним что-нибудь случится, я позабочусь о его семье. Он мне звонил перед отъездом в Грецию. Сказал, что за женой и малышкой присмотрит сам, а за тебя отвечаю я. Он чего-то опасался, говорил, что у него дурное предчувствие. Так с ним было, когда заболела твоя мама...

Незнакомец говорил монотонным глухим шепотом, и Ася с трудом разбирала его слова. Смысл их по-прежнему до нее не доходил.

– Я вам не верю. Этого не может быть. Так не бывает... С папой не могло ничего случиться.

В последнее утверждение она верила свято. После маминых похорон отец, глядя в заплаканное личико дочери, ответил на ее вопрос, не умрет ли он, уверенным, твердым голосом: «Запомни, котенок, со мной никогда и ничего не случится».

Только эти слова примирили ее с жизнью в те трудные дни. Они помогли ей не сломаться и выстоять. И вот сейчас чужой человек говорит о том, что в ее жизни снова случилось несчастье, что, по сути, сама жизнь разлетелась на кусочки, и их невозможно будет склеить, как ей удалось это сделать в прошлый раз. В один миг жизнь потеряла свою ценность. В голове все это просто не укладывалось.

– Я понимаю, как тебе трудно сейчас, но нужно подумать о твоей безопасности. Мы срочно должны уехать, тебя нужно спрятать, – голос его стал тверже и настойчивее.

– Я никуда с вами не поеду. Я вам не доверяю. Я вас не знаю, в конце концов. Возможно, вы сами хотите похитить меня, а потом потребовать у моего отца выкуп. Как вы могли узнать о случившемся, если даже мне ничего не сообщили?– Ася отползла в противоположный угол палатки и затравленно смотрела оттуда на незнакомца.

Ей показалось, что он вздохнул.

– Один из телохранителей твоего отца, оставшийся на берегу, исполняя ранее полученные инструкции, сообщил мне сразу же, как только ему стало известно. Я понимаю, Кассандра, как трудно поверить в случившееся несчастье, но ты должна мне довериться, – он сделал осторожное движение рукой, доставая что-то из нагрудного кармана.

Ася испугалась. Ей показалось, что в его руках, как в американских боевиках, появится пистолет с глушителем и он убьет ее раньше, чем она сумеет позвать на помощь.

Ася уже сделала резкий вздох и открыла рот, чтобы закричать, но увидела в руках у незнакомца фотографии. Не двигаясь с места, он протянул ей снимки. Она взяла их дрожащей рукой.

На верхней фотографии были изображены двое военных, позади которых на фоне серых мрачных гор стоял пропыленный БТР.

В старшем лейтенанте Кассандра узнала отца. Он был еще совсем молодым и очень усталым. Лицо рассмотреть было сложно из-за странной широкополой панамы защитного цвета, однако и ошибиться было невозможно. Рядом с отцом стоял молоденький сержант, выглядев-

ший даже не уставшим, а измученным. Возможно, что это и был ее незваный гость, но в темноте палатки невозможно было рассмотреть черты его лица.

– Переверни снимок, – негромко произнес незнакомец.

Ася подчинилась и увидела четкие буквы отца. Через всю фотографию было написано: «Аська, это мой друг. Верь ему». Рука разжалась, и снимок спланировал под ноги сидящему мужчине. Асе показалось, что она не прочитала слова отца, а услышала его голос. Девушка тряхнула головой и, еле сдерживая слезы, спросила:

– Чего вы от меня хотите?

Невольно взгляд упал на вторую фотографию, все еще зажатую в онемевших пальцах. Папа держал ее, маленькую девочку, одной рукой, прижимая к груди, а другой обнимал смеющуюся маму, рядом с которой стоял широкоплечий юноша с застенчивой улыбкой. Снимок был до боли знаком, на нем Асе всего четыре года, папа молодой и счастливый, мама еще не болеет, а юноша, стоящий рядом с ними, лучший армейский папин друг. Точно такая же фотография хранилась в семейном альбоме, ее Ася видела не раз.

– Что вам от меня нужно? – спросила она обреченно, вглядываясь в темноту.

– Я должен увезти вас отсюда раньше, чем о событиях в Греции узнают все остальные. Вас нужно спрятать. Если то, что я сказал, верно, вы становитесь единственной наследницей и легкой добычей для врагов вашего отца, – он говорил ровным голосом. – Ваш отец хотел, чтобы я позаботился о вашей безопасности.

Незнакомец поднялся, одним рывком подбросив свое большое тело.

– Я бы хотел уехать немедленно. Возьмите лишь документы.

Словно во сне Ася последовала его четким указаниям. Взяв спортивную сумку на ремне, она сложила туда два паспорта, российский и заграничный, тоненький фотоальбом, который всегда брала с собой, если уезжала из дома и косметичку, где рядом с помадой и тушью лежали любимые сережки, подаренные мамой.

– Я готова.

Ее ночной гость уже убрал снимки и ждал на улице, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

Прихватив короткую джинсовую куртку и фотоаппарат, Ася выскользнула вслед за ним. Лагерь, по-прежнему, безмятежно спал.

– Не нужно никого предупреждать о своем отъезде, – сказал незнакомец ей на ухо и, подхватив под руку, потащил вдоль палаток, стоявших в один ряд.

Ася еле успевала за своим ночным визитером, поскольку глаза ей застилала слезы, а ноги не слушались.

Только выйдя из привычного тепла палатки, девушка осознала весь ужас происшедшего. Шла она скорее по инерции, подчинившись воле идущего впереди мужчины. Так же молча, глотая слезы, Ася села в черный джип, забравшись на заднее сиденье. В машине пахло дорогим парфюмом, немного кожей и еще чем-то неуловимо мужским.

Тронувшись джип бесшумно и некоторое время ехал с незажженными фарами. Тихо шуршали мелкие камешки под колесами. В темноту уплывали неясные очертания низкорослых деревьев, а по щекам Аси, не переставая, катились слезы. Думать о том, что произошло, она не могла, просто плакала, молча глотая комок в горле, который мешал дышать.

Водитель обернулся. До этого он изредка посматривал в зеркало заднего вида на свою молчаливую пассажирку. Машина выехала на асфальтированную дорогу и осветила ее ярким белым светом мощных фар.

Ночная темнота отступила. Асе показалось, что дышать стало легче. Она тихонько шмыгнула носом, пытаясь сдержать всхлипывания.

– Возьмите вот, выпейте! – он протянул блеснувшую во тьме фляжку. – Вам обязательно нужно поспать. Нам еще долго ехать.

– Не хочу. Я не буду... Я не пью крепких напитков, – она все-таки хлопнула носом.

– Это не крепкий напиток. Это специальный успокаивающий и согревающий бальзам собственного приготовления, по рецепту моей тетушки. Пейте. Кстати, меня зовут Филипп Орлов, – он практически вложил ей в руки фляжку.

Ася глотнула обжигающий бальзам и охнула: горло, словно охватило огнем.

– Три! Три глотка сделайте. Тогда точно уснете, – подогнал ее Филипп, снова оторвавшись от дороги.

Ася послушалась, с трудом выполнив его приказание.

– Вот и умница! А теперь выключите свой телефон, там позади вас есть теплый плед и подушка. Укрывайтесь и постарайтесь уснуть.

– Куда мы едем? – смогла Ася выдать вопрос, протягивая фляжку обратно. От выпитого бальзама по всему телу распространилась горячая волна, и клонило ко сну. Тяжелые мысли в голове путались.

– В Кисловодск. У меня там есть дом, о котором никто не знает. И вы смотрите, никому не проговоритесь. Давайте устраивайтесь. И ни о чем не думайте.

Ася опять послушалась Филиппа. Она, действительно, разомлела и не могла ни о чем думать.

Вскоре тяжелый сон сморил Асю. Но, даже засыпая, она помнила, что в ее жизни произошло что-то ужасное. Просыпаться не хотелось.

Через несколько часов она все-таки неохотно открыла глаза, хотя сквозь тонированные стекла солнце, стоявшее в зените, почти не беспокоило.

– Проснулись? – Филипп устало улыбнулся. – Минут через пятнадцать въезжаем в город. Вы помните Кисловодск? Я очень люблю этот город, в нем удивительно спокойно.

– Немного помню, – Ася села, подтянув колени к подбородку и с удивлением посматривая за окно. Вокруг высились красивые горы. Дорога была чистой и широкой. Окраины города сильно изменились. Ася не узнавала окрестностей Кисловодска.

– Мне было четыре года, когда мы отдыхали здесь с мамой и папой. Белок помню и воду, которую пили в галерее. Город, похоже, совсем забыла.

– Сейчас приедем, отдохнем, поедим, помоемся, – скупно улыбнулся ей Филипп.

– Вам нужно поспать, наверное, – вздохнула Ася, глядя в незнакомые улицы окраин города.

– В самолете посплю, у меня слишком мало времени, а еще нужно добраться до аэропорта, – он очень серьезно посмотрел на нее в зеркало заднего вида.

– Мы куда-то полетим? – удивилась девушка.

– Вы – нет, я полечу в Грецию, хочу на месте разобраться, что произошло. А вы, Касандра, останетесь в доме моей тетушки. Кстати, когда вы были здесь ребенком с родителями, то жили именно там, – машина уже выехала на улицу, откуда были видны желтые купола каменного храма.

– Я не помню никакой церкви, только парк, белок и противную теплую воду, – растерянно проговорила Ася, глядя в яркую позолоту и белые стены, словно взметнувшиеся ввысь. – Я не хочу оставаться одна в незнакомом городе.

– Придется, – голос Филиппа прозвучал жестко. – Вас нужно спрятать ото всех, пока не прояснится ситуация. А чтобы ее прояснить, мне нужно оказаться в Греции, как можно быстрее.

– Но почему я не могу пожить в это время у бабушки, у дяди, у подруг, в конце концов. Почему я должна прятаться? – возмутилась Ася.

Джип остановился возле железных зеленых ворот, за которыми виднелся двухэтажный дом из красного кирпича. Прямо напротив, через дорогу, высился храм, которого Ася не помнила в той чудесной поездке с родителями.

Филипп развернулся к ней всем корпусом и устало произнес:

–Я не хочу с вами спорить. Это решение вашего отца: если с ним что-то случится, я должен спрятать его семью до выяснения обстоятельств. А Никольский собор построили недавно. Вам будет слышен колокольный звон, постепенно к нему привыкните,

Войдя в дом, девушка почувствовала, как сильно устала, несмотря на то, что всю дорогу проспала.

Филипп быстро обошел здание, по пути зажигая свет во всех комнатах. Ася равнодушно рассматривала небольшую уютную кухню, оснащенную всем необходимым.

Словно про себя она отметила, что микроволновка и холодильник новые, мебель очень удобная на вид и дизайн всего помещения хорошо продуман. Подобные мысли перемещались в ее голове, не цепляя сознания. Вернулся Филипп, неслышно спустившись с деревянной лестницы.

Он вздохнул, удрученно покачав головой. Прошел к мойке, открыл кран, спустил воду, набрал полный электрочайник и громко щелкнул его кнопкой. Обернувшись к Асе, спокойным и ровным голосом произнес:

–Ты долго стоять будешь на проходе? Пойди вымой руки. Первая дверь направо. Я пока бутербродов нарежу.

–Мы перешли на ты?– без удивления спросила Ася.

Филипп в ответ пожал широкими плечами.

Ася положила сумку на пол рядом с дверью и послушно пошла в ванную комнату. Включив горячую воду, она присела на краешек ванны, огляделась. Отстраненно подумала: «Красиво. Как-то уютно, по-домашнему». Ей отчего-то показалось, что она когда-то была в этой комнате. На память вдруг пришла песенка, которую часто напевала мама:

«Видишь, зеленым бархатом отливая, море лежит спокойнее, чем земля,

Видишь, как будто ломтик от каравая, шлюпка отшвартовалась от корабля...»

Ася так ясно услышала мамин голос, что стало не по себе. Мамы больше нет. Ей понадобилось почти пять лет, чтобы осознать эту данность. А теперь странный ночной визитер говорит, что больше нет папы, Ани и Катюшки.

Ася дернулась, как от боли и тихо выругалась.

Почему она должна верить словам незнакомого человека? Мало ли друзей было у ее отца, когда он служил в армии и с которыми фотографировался при случае? Это в последние годы папа практически ни с кем не общался, кроме родственников, объясняя свое добровольное затворничество занятостью. А раньше, когда была жива мама, и бизнес не отнимал столько сил и времени, они всей семьей выезжали с друзьями на природу, жарили шашлыки, пекли картошку, играли в волейбол. Мама очень любила фотографировать и всегда с собой брала камеру.

Ася решительно достала из заднего кармана телефон, включила его и, дождавшись приветствия на мониторе, дрожащими пальцами набрала номер Веньки, поскольку он оказался первым в списке звонивших ей вчера. Длинные гудки показались бесконечно долгими.

– Алло, Аська, алло, ты где? Что с тобой стряслось? Все с ног сбились, разыскивая тебя...

Голос Веньки, еще вчера раздражавший донельзя, сейчас показался почти родным. Ася покрепче прижала трубку, будто боясь, что звонкоголосого парня будет слышно на кухне. Венька кричал ей в ухо, захлебываясь от переполнявших его эмоций.

–Ася, у нас Крестинку убили. Представляешь! Зарезали! Сначала, когда пришли тебя будить на дежурство, думали, что это ты лежишь убитая. Она залезла в твой спальный мешок, так ее прямо через мешок и пырнули. Все в таком шоке! Здесь с утра полиция, все на нерваке, тебя обыскали... А ты-то где? Откуда звонишь?

Дверь в ванную открылась неслышно. Ася даже не успела понять, что произошло, как загорелая сильная рука, словно клещами жестко вырвала у нее крохотный серебристый аппа-

ратик и исчезла за дверью. Лишь слышно было, как надрывался на берегу Азовского моря Веник, кричавший в пустоту: «Ася, почему ты молчишь? Где ты?...»

Ася, резко распахнув дверь, выбежала вслед за Филиппом, столь бесцеремонно прервавшим ее разговор, и увидела, как тот достал симку из ее аппарата, вставил ее в другой телефон, набрал какую-то комбинацию цифр и быстро отключился. Затем он снова достал симку и опустил в чашку с чаем, откуда аппетитно парило. У Аси от возмущения даже дыхание перехватило.

–Что вы делаете? Там же все мои номера! Как же я теперь без телефона?!

Филипп глянул недобро на девушку.

–Я же просил отключить телефон и никому не звонить. Тебя же по этому звонку найдут в два счета, дура...

–Не смейте разговаривать со мной таким тоном! И зачем вы уничтожили мою симку?– от переизбытка чувств у Аси хлынули слезы, от которых сразу зацепило обветренную кожу лица. Где-то в глубинах измученного сознания мелькнуло: «Я плачу из-за какой-то ерунды. А ведь этот громила сказал, что...» Тут она тряхнула головой и прервала ненужные мысли о том, что утверждал стоявший напротив нее мужчина с недобрый взглядом, похожий на огромную собаку, готовую к бою. Тем не менее, голос его прозвучал слишком спокойно, когда Филипп снова перешел на «вы».

– Что вы сказали человеку, которому позвонили? Вы сообщили ему, где находитесь?

Казалось, он готов растерзать свою жертву. «Наверное, ему хочется и меня утопить в чашке с горячим чаем», – промелькнуло в голове у Аси, прежде, чем она смогла перевести дыхание и подавить очередной поток слез.

–Ничего я ему не сказала. Даже не собиралась,– она громко всхлипнула и рассердилась на себя за это. – Говорил только он. И он сказал...– тут до девушки, наконец, дошел смысл услышанных ею новостей и она, запнувшись, прижала руки к лицу, словно пытаясь сдержать крик ужаса. Филипп подошел к побледневшей Асе и заглянул в глаза.

–Что вам сказал собеседник? И объясните, в конце концов, кому вы звонили?

– Я звонила в лагерь, говорила с Вениамином, молодым археологом, первокурсником, студентом, одним словом...Он сказал, что мою соседку по палатке Кристину нашли мертвой в моем спальном мешке. Они думали, что это я, а потом долго меня искали... Там полиция...

С трудом сказав все, что ей поведал Венька, Ася смолкла, совсем лишившись сил.

Филипп взял ее за локоть и довел до диванчика, уютно стоявшего у окна, за которым буйствовал зелеными красками солнечный кисловодский день.

–Очень оперативно. Практически не оставляя времени на размышления... У вас слишком серьезные противники, Ася. Ваша соседка погибла случайно, просто она оказалась на вашем месте. Сегодня кто-то был уверен, что убрал вас с дороги. Мы всего лишь на немного опередили их...

Знать бы кого, их...– неожиданно закончил нахмурившийся Филипп.

–Еще раз пытаюсь объяснить вам, милая девушка, что никто, слышите меня, абсолютно никто не должен знать, где вы находитесь. Надеюсь, отследить ваш звонок им не удастся, но это была очень большая глупость с вашей стороны.

Филипп подошел к ней и дотронулся до безвольно поникшей руки. Голос его зазвучал несколько мягче.

–Я понимаю, что вам сейчас очень трудно. Вы не хотите мне верить, отторгаете очевидное, но, Ася, ради вашего отца вы должны меня слушаться беспрекословно.

–Ничего вы не понимаете! Вы явились среди ночи и заявили, что мои родные погибли, притащили меня на край света и погубили мой телефон,– Ася снова расплакалась. – Я не хочу вам верить!

–А придется!– голос Филиппа снова стал жестким.– Вы не можете отмахнуться от сообщения, что вашу соседку убили этой ночью, когда она случайно оказалась в вашем спальном мешке. И об этом вам сказал уже не я, заметьте.

Филипп отошел к окну, потом резко повернулся к собеседнице.

–Но чтобы окончательно развеять ваши сомнения, включите телевизор. Здесь достаточно каналов, чтобы найти интересующие нас новости.

Видя, что девушка продолжает сидеть неподвижно, он сам взял в руки пульт и начал переключать каналы. На НТВ шел выпуск утренних новостей. О трагедии в Греции сказали почти сразу. Ася сжалась на диване и, раскачиваясь из стороны в сторону, тихо произнесла:

–Я все равно вам не верю...И им не верю.

Филипп сердито посмотрел на нее. Он, видимо, спешил уехать, ему было недосуг возиться с истерикой девушки, которая раздражала его своим упрямством.

Презрительно хмыкнув, он подошел к столу, брезгливо поморщившись, взял чашку, из которой больше не шел пар, и вылил чай в сверкающую мойку. Оглянувшись на Асю, затравленно наблюдавшую за его действиями, он двумя пальцами выудил из никелированных недр симку и выбросил ее в мусорное ведро, традиционно оказавшееся в шкафчике под кухонной мойкой. После этого скорее демонстративного, чем необходимого поступка, он снова включил чайник и вернулся к столу.

–Сейчас мы с вами позавтракаем и я уеду. Вы, Ася, останетесь в этом доме одна. Не бойтесь, это ненадолго. Я вернусь дня через два, – поспешил он ее успокоить.

Ася, которая только что боялась и почти ненавидела человека, принесшего ей страшные вести, испугалась, что ей придется оказаться наедине со своими мыслями.

Она порывисто поднялась с дивана, столкнув на пол маленькую розовую подушечку в форме сердечка с вышитыми глазками и пухленькими губками, которая, оказывается, лежала у нее под спиной.

–Я не останусь в чужом доме, в незнакомом городе, без друзей и знакомых только потому, что вы так решили...

–У вас есть знакомые, способные защитить вас от убийцы, который режет спящих девушек по ночам?– невинно поинтересовался Филипп, сощуривая свои холодные серые глаза.

Вот почему-то именно сейчас, в разгар спора, Ася вдруг заметила, что у него глаза цвета сумеречного неба в дождливый вечер. И щурит он их, как чеширский кот.

–Я могу вернуться в родительский дом под защиту папиной службы безопасности,– запальчиво произнесла она, стараясь не смотреть в лицо своего оппонента и избегая слишком взрослого и ироничного взгляда столь неожиданно удививших ее глаз.

Филипп резко выдохнул и опять перешел на «ты». Чувствовалось, что так ему проще.

–Я не стал бы этим ребятам безоговорочно доверять. И вообще, мне надоело спорить с тобой и уговаривать тебя. Твой отец просил, чтобы в случае опасности я взял тебя под свое крыло. Так что лучше тебе, Кассандра, слушаться меня во всем и не отнимать у меня время дурацкими спорами. После завтрака я еду в аэропорт, откуда лечу в Грецию.

С этими словами Филипп налил в чашку кипятка из чайника, бросил пакетик зеленого чая, насыпал две ложки сахара и откусил от огромного бутерброда с сырокопченой колбасой.

Ася стояла неподвижно, внимательно наблюдая за движениями его загорелых рук. Что-то спрятанное глубоко внутри нее заставляло поверить этому человеку. Нет, даже не фотография с надписью, не разговор с Венькой, что-то совсем другое. Наверное, чисто интуитивно она понимала, что этому человеку можно и нужно верить. В нем ее спасение. Вот только опасности лично для себя она пока не ощущала.

–Садись за стол, Кассандра. Тебе тоже нужно поесть,– любезно пригласил ее Филипп.

Ася послушно села напротив него и взяла в руки бутерброд. Филипп тут же налил кипятка в другую чашку.

–Тебе зеленый или черный?– вежливо поинтересовался он, протянув руку к ярким коробочкам с чаем.

–Я бы лучше кофе выпила, – откусывая бутерброд, сообщила Ася.– И не называйте меня, пожалуйста, Кассандрой. Я не люблю это имя.

–Да?– искренне удивился Филипп, погружая в чашку пакетик с черным чаем и игнорируя ее удивленный взгляд.– А я думал, что тебе нравится столь необычное имя. Девушки в твоём возрасте любят выделяться из толпы чем-то особенным.

–Не настолько особенным. Меня с детства все звали Асей. Вообще-то я попросила кофе, – с недоумением посмотрела она на придвинутую чашку.

–Кофе нет. Я не пью растворимый и не держу его дома, а заваривать натуральный для тебя мне сейчас некогда. Отдохнешь и выйдешь вечером в город пополнить запасы продовольствия. Кстати, тебе нужно гулять побольше. Ну, вот и все. Я отправляюсь в путь. – Филипп встал.– Будь умницей, Ася. Держись. Звонить никому не нужно. Я буду перезванивать тебе на городской телефон, он подключен. Но ты, прошу, больше не делай глупостей. Поверь, люди, вступившие в игру, шутить не будут. Постарайся ни с кем не общаться. Придумай себе имя попроще, если придется вдруг с кем-то объясняться. Скажи, в случае чего, что ты моя дальняя родственница, приехала на воды поправить здоровье после болезни.

–Чей это дом?– перебила его Ася, поднимаясь из-за стола, так и не притронувшись к чаю.– Вдруг сюда придут хозяева, что мне говорить? Для них вы тоже придумаете отдельную легенду?

–Никто сюда не придет. Это мой дом, вернее моей тетки. Она давно умерла, и мне он достался в наследство. Я иногда приезжаю сюда, правда, очень редко,– Филипп отвечал ей уже на ходу, из ванной, где он мыл руки с мылом.

–Но здесь так чисто, ни пылинки, и за цветами кто-то ухаживает,– Ася растерянно оглядывалась по сторонам, словно отказываясь верить словам Филиппа.

–Бабушка-соседка следит за порядком, но я ей уже позвонил и сказал, что здесь поживет моя знакомая, она и цветы польет. Так что тебя, Ася никто беспокоить не должен. Только будь очень осторожна,– Филипп посмотрел на нее внимательно, словно решая про себя, сказать ей еще что-то важное или нет, но в последний момент передумал .

Он медленно подошел к двери.

– Кстати, дом не настолько тебе и не знаком, как кажется. Первыми гостями в этом доме, после моего вступления в наследство, а я, нужно сказать, не жил здесь ни одного дня, так что даже первыми обитателями были твои родители и ты вместе с ними. Фотография, которую я тебе показал, сделана во дворе этого дома. Но ты, наверное, была слишком маленькой и ничего не помнишь.

– Не помню... – Ася беспомощно посмотрела на спешащего Филиппа.

– Скажите, Филипп, вы едете в Грецию...Вы надеетесь, что все это недоразумение, что на самом деле ничего не произошло?

– Нет, Ася.– Филипп посмотрел ей прямо в глаза. И этот сухой холодный взгляд сказал больше, чем последующие его слова.– Я звонил твоему отцу на специальную линию, и он мне не ответил.

Мужчина снова заговорил официально.

– Я еду на Крит, чтобы осмотреться на местности и узнать детали того, что произошло. Держись, ты сильная девушка. Я позвоню тебе, как только прояснится хоть что-нибудь. Посмотри, как работает дверной замок изнутри. Да, вот это тревожная кнопка. Если сюда нажать, придут ребята из вневедомственной охраны. Есть еще одна, под крышкой стола на кухне. Ну, это так, на всякий случай. Все, до встречи. Замкнись за мной.

И он вышел, плотно прикрыв дверь. Ася осталась совсем одна. В чужом доме. В незнакомом ей городе. В огромном мире, где кто-то желал ей смерти.

Глава 2

Вернувшись в кухню, Ася вылила свой остывший чай, вымыла чашки, убрала продукты в холодильник, попутно отметив про себя с равнодушием, что кроме сухой колбасы, полбатона черного хлеба, банки балтийских шпрот и персикового компота там ничего нет, и поднялась по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж.

Дом был очень небольшим, напоминал теремок. Внизу располагались кухня, ванная и туалет. Двери трех комнат выходили в небольшой холл, весь уставленный живыми цветами, сквозь которые с трудом просматривалось старое советских времен трюмо с большим мутноватым зеркалом. На втором этаже было две комнаты. Одна выполняла функции гостиной, на что указывали традиционный мягкий уголок и новый телевизор с жидкокристаллическим экраном, который, казалось, занимал все свободное от мебели пространство. Вторая небольшая светлая комната с окном во всю стену Асе сразу понравилась. По-видимому, это была спальня, поскольку именно здесь располагалась широкая кровать, накрытая вязаным клетчатым пледом.

Ася неожиданно для себя поняла, как безумно хочет спать. Настолько, что сопротивляться этому желанию, нет никаких физических сил. Мелькнувшая мысль о горячем душе, который стоило бы принять после дороги, показалась просто ужасной, потому как означала необходимость спуска вниз, а Ася всерьез опасалась, что заснет прямо в ванной комнате или даже на лестнице. Девушка заползла под теплый плед, свернулась калачиком, и с облегчением закрыла глаза, сразу погружившись в тяжелый сон. В последний миг она успела подумать, как в детстве: «На новом месте приснись жених невесте».

Почему-то люди, оказавшись в трудной ситуации, с которой они не в силах справиться, начинают мысленно избегать ее. Будто бы включается внутреннее автоуправление, спасающее разум от перегрева и направляющее мысли в другую сторону.

Ася всегда возвращалась в свое счастливое детство. Она выросла в семье военного, и не привыкла подолгу жить на одном месте. Частые переезды ребенком воспринимались как праздник, который дарил новые знакомства, множество друзей в разных концах страны и массу впечатлений. Она любила наблюдать, как мама обустраивает новое жилье, как чужие комнаты, наполняясь привычными вещами, становятся родным домом.

Укладывая дочку спать в новую постель, мама всегда рассказывала сказку, целовала ее и обещала, что именно в эту первую ночь ей обязательно приснится принц, и, засыпая, Ася произносила про себя как заклинание: «На новом месте приснись жених невесте».

Это была их с мамой маленькая тайна, потому что строгий папа не одобрял подобных глупостей. Утром, проснувшись, Ася в первую очередь спешила рассказать маме придуманный сон о прекрасном незнакомце, который катал ее на белом коне, показывал ей море и горы. Иногда полет фантазии шел еще дальше, и принц отправлялся с ней на дно морское или поднимался в поднебесье. Мама всегда внимательно слушала ее, поощряя детские сказки. А на самом деле ей, действительно, не снился никто из знакомых мальчишек, поэтому она и прибывала в уверенности, что ее суженый-принц из сказочного далека.

На этот раз ее сны были наполнены какой-то неясной путаницей, где сквозь густую тяжелую темноту проступала бесконечная дорога, а прямо перед глазами Аси все время маячил затылок Филиппа. Проснувшись она с тупой головной болью и осознанием того, что человек, привезший ее в этот дом, был прав, и с родными произошла непоправимая беда.

Ася не хотела выползть из-под пледа, наоборот, она укрылась с головой и лежала не шевелясь. Можно было бы спуститься вниз и включить телевизор, еще раз найти на каком-нибудь канале новости, но ей было страшно.

До тех пор пока оставалась надежда, что ее ночной визитер не прав, что это все глупое недоразумение и что вот-вот раздастся телефонный звонок и чей-нибудь незнакомый голос сообщит, что все сказанное раньше Филиппом нелепое недоразумение, было легче жить. Оставалась хотя бы призрачная надежда.

Но когда сегодня утром равнодушный голос диктора, который, не отрываясь от монитора перед собой, поведал стране о том, что при взрыве на яхте в Греции пострадала российская семья предпринимателя Кирилла Быстрова, отдыхавшая там по приглашению, стало понятно, что трагедия реально произошла, и ее близкие погибли.

Ася лежала не шевелясь. Вокруг стояла оглушающая тишина. Она была одна в этом доме. Но еще страшнее было от того, что она осталась одна в целом мире.

Эта мысль привела Асю в чувство. Нельзя поддаваться отчаянию. Об этом ей постоянно говорил отец после смерти мамы. «Мы обязаны жить дальше, котенок. Ради того, чтобы память о маме жила в нас». Ася будто услышала мягкий голос своего любимого папочки. «Ведь ничего еще не ясно. Их никто не видел мертвыми. Нужно надеяться и верить, даже если весь мир будет доказывать очевидное, я никогда не поверю в то, что папа оставил меня одну», – Ася сбросила с себя душную темноту пледа и встала с кровати.

Ей показалось, что она увидела одобрителный прищур отцовских глаз и услышала его голос: «Молодец, дочка!»

Девушка спустилась на первый этаж, ориентируясь в темноте на ошупь и рискуя сломать себе шею на крутой лестнице. За окнами было совсем темно, но Ася всегда хорошо чувствовала время и без часов. Она определила, что уже около восьми вечера. Стоило ей включить на кухне свет, как стало понятно, что она не ошиблась.

Что-то привлекло ее внимание на столе возле забытой сахарницы. Подойдя ближе, Ася увидела четыре пятитысячные бумажки, аккуратно прижатые спичечным коробком. Было странно, что она не заметила их днем.

Видимо, настолько погрузилась в свои горестные мысли, что не видела ничего вокруг.

Деньги были кстати, поскольку у нее не было с собой никаких вещей. Она, конечно вместе с документами забрала ту небольшую сумму, что была у нее в кошельке, но на покупку белья и питания этого могло бы не хватить. Банковскую карточку Ася с собой в лагерь не взяла, считая, что Танаис рядом с Ростовом, всегда можно быстро добраться, а на побережье в степи шопинг совершать негде.

Было неприятно брать деньги у чужого человека, однако девушка решила, что по приезду домой рассчитается с незнакомцем.

Для начала Ася отправилась в душ. Выйдя оттуда, она отметила про себя, что нужно будет купить еще и шампунь, и гель-душ, и мыло. Хотя все это и было в наличии, более того все было новое, а зубная щетка вообще в упаковке, рассчитаны моющие средства были явно на мужчину с ярко выраженными мужскими запахами. Пахло приятно, но необычно и непривычно.

В душе нашелся фен и даже пенка для волос, что девушку удивило, поскольку не вязалось со всем остальным. Представить, как хозяин дома сушит короткий ежик своих жестких волос, не получалось, а зачем ему могла понадобиться пенка для укладки и вовсе было сложно понять.

Ася, недолго думая, предположила, что в доме Филипп появлялся с женщиной. В конце концов, город курортный и располагает к отдыху и развлечениям. Отчего-то мысль эта показалась ей неприятной, и она решила на данную тему больше не размышлять.

Пришла пора собираться в магазин, ибо время для небольшого, пусть и курортного, города было уже достаточно позднее, и нужно было найти приличное место, где можно запастись продуктами.

Магазин нашелся совсем недалеко. Но еще до того, как Ася удивлялась провинциальному изобилию, не уступающему столичным супермаркетам, ее воображение поразил Никольский собор, который буквально парил в воздухе прямо напротив дома, где она нашла приют.

Любуясь золотыми куполами, Ася чувствовала, как вера в чудо становится прочнее, а радоваться жизни хочется несмотря ни на что.

Настроение несколько улучшилось, и девушка бодро пробежалась по центру города, нашла круглосуточный магазин, в котором купила все необходимое и поспешила к дому.

Здесь, разложив покупки, Ася, невзирая на позднее время, затеяла уборку. Ей хотелось обжить пространство, где предстояло провести два дня.

Для начала она протерла полы, вымыла плиту и холодильник. Вслед за кухней пришла очередь спальни. В этой комнате было изначально чисто, как, впрочем, и на кухне, но Ася упорно вытирала пыль, переставляла вокруг письменного стола, где сиротливо лежал ноутбук последней модели, стулья, которых было почему-то целых три. Наконец, она устала.

Присев на краешек постели, Ася окинула взором комнату. В ней мало что изменилось, вряд ли стало чище, но теперь она ощущалась своей. Что-то все-таки стало иным. Возможно, энергетика, о которой любила порассуждать Аннушка. Вспомнив о мачехе, Ася расстроилась. Мысли снова вернулись к трагедии с родителями, а она пыталась об этом не думать.

Ася резко встала на ноги, тряхнула распущенными волосами(это движение головой отчего-то всегда прибавляло ей уверенности), и начала переставлять книги на полке, висевшей над столом. Книг было немного, в основном детективы. Внимание Аси привлекла кожаная черная папка, аккуратно лежавшая сверху на книгах.

Ася села за стол и открыла папку, звонко щелкнувшую кнопкой. О том, что читать нечто чужое неприлично, мыслей даже не возникло. Наконец, хоть что-то заинтересовало девушку по-настоящему.

Сверху лежало несколько фотографий. От удивления девушка ахнула. Руки у Аси задрожали, а на глаза набегали слезы. Этим снимкам было не меньше пятнадцати лет.

На первой фотографии маленькая девочка кормила пушистую белку, вытянув вперед тоненькую ручонку с орешками на ладошке. Подобная фотография хранилась в семейном альбоме Быстровых. В школьные годы Ася часто разглядывала ее, стараясь поближе рассмотреть белку.

На других снимках они были сняты всей семьей в разных местах Кисловодска. Вот папа и мама держат ее за руки на небольшом мостике через маленькую речушку, протекающую в парке. А вот мама с дочкой прячутся под широкими еловыми ветками все в том же парке, а папа снимает их. На одном из снимков папа держит ее на плечах, а позади него угадывается знаменитый курортный бульвар, по которому Ася только что пробежалась в поисках магазина.

Ася почувствовала, как слезы текут у нее по лицу, оставляя мокрые следы на ее щеках. Она постаралась взять себя в руки.

Те далекие счастливые дни в Кисловодске, как ни странно, девушка почти не помнила. В памяти всплывал лишь неприятный железистый вкус воды, которой поили ее по несколько раз в день. Еще вспоминались бесконечные парковые дорожки. По ним они гуляли всей семьей долгими летними днями. Вот, пожалуй, и все.

Пока была жива мама, а папа служил, они много ездили по стране. Мама не могла сидеть на месте. Ей постоянно нужна была смена обстановки. Она любила новые города, новых людей. Дорога ее не утомляла. Поэтому у маленькой Аси все семейные путешествия перемешались в памяти и воспринимались одним большим ярким клубком впечатлений.

Ася отложила фотографии в сторону и потянулась к обычной школьной тетрадке в обыкновенной зеленой обложке.

С некоторой опаской она открыла тетрадь, исписанную мелким маминым почерком. То, что в папке лежали мамины бумаги, Ася уже поняла. Неясным оставалось, как все это оказалось в чужом доме, где бережно хранилось столько лет. Хотя ведь Филипп, кажется, говорил о том, что ее родители провели в его доме отпуск, о котором и свидетельствовали старые фотографии. Почему же мама не забрала папку с собой? Это было на нее не похоже. Мама была

очень аккуратным человеком, у нее каждая вещь знала свое место. Оставить снимки, которые она собирала и хранила, рассортировав по альбомам соответственно датам и событиям, мама просто не могла. Про записи и говорить не приходится. Что-то не так было с этой папкой.

Содержание тетради Асю пугало, но любопытство взяло верх. Понимая, что перед ней мамин дневник, девушка все-таки начала читать.

«5 августа.

Этого не может быть! Я не смогу жить с таким чувством вины. У меня всегда перед глазами будет стоять перекошенное лицо матери Вадима. Ее слова снятся мне каждую ночь: «Будь ты проклята, Катерина! Это ты сломала жизнь моему мальчику. Из-за тебя он погиб! Ты бросила его. Он любил тебя, а ты предала его, уехала с этим военным. Не будет у тебя счастья! Ни у тебя, ни у твоих детей. Будь ты проклята!» Самое страшное, что она права. Вадим из-за меня написал заявление в Афганистан. Он, действительно, любил меня больше жизни, и я знала об этом всегда, с первого класса. Он нравился мне, я ведь даже думала, что тоже люблю его. Пока не встретила Кирилла. Посмотрев в его глаза, я сразу поняла, что любовь-это совсем другое. Любовь не может быть спокойной и ровной, как наш Дон жарким летом, любовь-это горная река, шумная и обжигающая. Я забыла тогда обо всем на свете. И о том, как мы планировали нашу жизнь с Вадиком, и о его теплых поцелуях. Кирилл целовался совсем иначе. Неистово. У меня даже сердце останавливалось и в глазах темнело. А самое главное, что так происходит до сих пор. У нас четырехлетняя дочь, а я с ума схожу от поцелуев моего мужа. Наверное, если бы я не встретила Кирилла, я бы вышла замуж за Вадима, и мы бы жили вполне счастливо. Но вышло все по-другому».

Ася отодвинула тетрадь в сторону. Она не знала, что ее мама собиралась замуж за другого парня, которому предпочла отца. Однако она помнила, что ее родители очень любили друг друга. Если они находились рядом, то всегда держались за руки, словно школьники. Настоящая любовь оправдывает многое. Разве можно влюбленных проклинать? Бред какой-то... Но отчего-то мама очень переживала случившееся. Ася решила читать дальше. Ей было интересно, а главное, что чтение страниц из прошлого помогало не думать о том, что произошло в настоящем.

«8 августа.

Кирилл ничего не замечает. Я стараюсь оставаться веселой, радоваться жизни вместе с моими любимыми. А вот Аська даром, что маленькая, все видит и чувствует. Вчера перед сном залезла на меня целиком, растянулась вдоль моего тела и лежит молча.

–Что, – спрашиваю, – доченька, случилось?

А она мне в ответ: «Не знаю, мамочка любименькая, что у тебя случилось, но я вот так на тебе полежу, и тебе станет легче».

Я не нашлась, что ей ответить. Она такая необычная девочка! Но мне и вправду плохо. Ночью снятся кошмары, я даже боюсь засыпать.

Вчера мы ездили на горные водопады. Кирилл в горах помрачнел, я спросила, что с ним неладно, а он говорит: «Не обращай внимания, просто природа очень напоминает афганскую. У нас вот такое же ущелье было рядом с заставой».

Я расстроилась. Сразу же в голову полезли мысли о Вадиме. Ему подобная обстановка совсем не подходила. Там вокруг как-то слишком сурово, а он очень домашний мальчик по своей сути. Рядом с ним всегда хочется свернуться в клубочек и мурлыкать котенком. Господи, я ведь не могу даже писать о нем в прошедшем времени! Наверное, я никогда не смогу поверить в то, что его нет в этом мире.

Все время думаю о том, какой я дрянью оказалась по отношению к Вадиму. Он был самым лучшим моим другом. Я была уверена, что именно он станет моим первым мужчиной, моим мужем, в конце концов. Все жизненные планы были общими... А потом, встретив

Кирилла, я сказала ему лишь: «Прости, я влюбилась». И то, все получилось на бегу, мимоходом.

Но самое страшное заключается в том, что я о нем почти не вспоминала все эти годы. Может быть, только, когда речь заходила о школе. Тогда я думала с благодарностью, как здорово, что Вадька был рядом всегда. Он такой выдумщик, такой веселый. И еще, хорошо, что он чертил за меня на черчении и геометрии, помогал по физике и химии. И все. А о том, как он меня любил, что с ним случилось после моего отъезда, я не думала совсем. Эгоистка. Кирилл занял все мои мысли. Он переполнял меня, не оставляя места никому больше.

Ведь я даже боялась, что собственного ребенка не смогу любить, как все нормальные матери, потому что мужа люблю так, что даже дышать больно, когда о нем думаю. Вадиму места в моей душе не оставалось. Разве что в памяти... И то немного.

Зато теперь я все время думаю о нем. Зачем он это сделал? О чем он думал, когда я уехала? Проклинал ли он меня, как его мать или простил? Как он умирал? И о чем думал в последний миг своей жизни? О том, что его больше нет, я узнала лишь через два года».

Ася почувствовала, что слезы снова текут по лицу. Ей было жалко маму, совсем еще молодую, измученную чувством вины за свою безумную любовь к папе, и ушедшую так рано из жизни. Жалко было мальчика Вадима, который погиб в Афганистане, и, конечно, жалко себя, выросшую без маминой любви и ласки. Ей болезненно не хватало маминого присутствия все эти годы.

Мама была очень светлым, легким человеком, рядом с которым всегда было тепло. Однажды она сказала маленькой Асе странную фразу: «Все мы дети зимы, доченька. И ты, к сожалению, тоже, счастье мое». Ася с ней не хотела соглашаться: «Я – нет. Я родилась семнадцатого апреля, в этот день всегда светит солнце и зацветают подснежники. Я – дитя весны, а папа родился осенью, только ты родилась в январе, ты зимний ребенок». Тогда она даже рассердилась на маму. А та с ней не стала спорить, только грустно улыбалась и качала головой. Почему Ася вспомнила этот разговор сегодня, она и сама не могла объяснить. Теплый человек, который называл себя «дитя зимы»... Сейчас Асе вспоминалось, что мама очень часто грустила и вздыхала украдкой, особенно, когда папы не было дома. Дочери казалось, что это связано с болезнью, но возможно была и другая причина.

Асе вспомнилась еще одна сцена из детства.

Узнав, что мама опять ложится в больницу на курс химиотерапии, девочка горько зарыдала: «Ну, почему, почему ты не выздоравливаешь? За что тебя так мучают? Я не отпущу тебя, мамочка, ты опять будешь потом страдать...». Мама обняла ее тогда, долго утешала, гладила, целовала, а потом сказала: «Не расстраивайся, малышка, все будет хорошо. Я обязательно поправлюсь, очень скоро. А за что я так мучаюсь? Наверное, есть за что...».

Она задумалась, потом, словно очнувшись, грустно произнесла: «Материнское проклятье – страшная сила, которая вершит свой суд без времени и границ». Ася тут же пристала к ней с вопросами, о чем она говорит, но мама больше ничего не стала ей тогда объяснять.

Только теперь, через столько лет, все начало проясняться.

Все равно Асе было непонятно, отчего взрослый уравновешенный человек так близко к сердцу воспринял историю из юности, подобных которой встречается тысячи. Сколько девушек не могут дождаться любимых из армии, сколько людей пытаются покончить жизнь самоубийством из-за несчастной первой любви? Но их половины живут и не страдают особенно.

Ася почувствовала, что сердится на маму. Если бы она не воспринимала свою болезнь, как неминуемое наказание, возможно, их жизни сложились бы по-другому, и она, Ася, не выросла бы сиротой.

«В конце концов, этот мальчик Вадим был уже совершеннолетним, когда принимал судьбоносное решение, и еще неизвестно, чем он руководствовался, делая свой выбор. Может быть,

он мечтал о подвигах и славе, может, поддался советской пропаганде и осознанно отправился выполнять свой интернациональный долг». Ведь ее отец тоже воевал в Афганистане.

Ася ощутила приступ тупой головной боли. Перед глазами все поплыло. Подобные приступы иногда наступали ее неожиданно и всегда оставляли опустошенной и раздавленной. Но на этот раз с самого начала копания в маминых бумагах Ася внутренне ожидала, что это случится, потому что девушка сильно переживала, читая о прошлом. Сейчас она, обреченно вздохнув, оставила тетрадку на столе и, еле передвигая ноги, добрела до кровати. Буквально рухнув на нее, Ася успела подумать о том, что телефон неизвестно где, и, если ей будет звонить Филипп, то она не сможет ему ответить. Чернота навалилась резко и не оставила времени на сожаление и раздумья.

Катя, счастливая и веселая, тайком от всех подружек пробиралась к укромному закутку под школьной лестницей на второй этаж. Здесь ее должен ждать Вадим, он на уроке шепнул ей, что хочет сказать нечто важное и немедленно. Об этом темном забытом уголке, который они облюбовали для своих свиданий, не знал никто. Раньше здесь стояли метлы, которыми дворники подметали по утрам школьный двор. Потом метлы куда-то перенесли, и уголок остался пустым. На него случайно наткнулся Вадим, и с тех пор они вдвоем частенько сбегали сюда, где их никто не мог увидеть.

Вадик шагнул ей навстречу, обнял ее, оторвав от пола, и поцеловал куда-то возле уха, защекодав своими мягкими усами.

–Сумасшедший, а если кто-нибудь увидит? – смеясь, попыталась оттолкнуться она.

–Ну, и что?! Знаешь, что я придумал? Мы с тобой сразу после выпускного вечера уедем в Молдавию к моей тетке и там распишемся. А потом вернемся домой, в Ростов и вместе поступим на исторический. Здорово?! – он продолжал крепко прижимать ее к себе, заглядывая в глаза.

От его взгляда Кате стало не по себе. Осторожно пытаясь освободиться от жарких объятий Вадика, она, как можно мягче, попыталась возразить ему:

–Ты же собирался в технический ВУЗ поступать, зачем тебе исторический?

–Чтобы все время быть рядом с тобой. Я не могу представить себе, как можно без тебя даже день прожить, – он счастливо улыбался, не сводя с Екатерины бархатных карих глаз.

В какой-то момент Ася ощутила свое присутствие при этой сцене из прошлого и попыталась пошевелиться, стараясь сбросить с себя навязчивый морок.

Еще она успела подумать: «Красивый мальчик, но чересчур настойчивый», – и ее снова закрутило в воронку памяти.

В зале гремела музыка. Вокруг суетились родители выпускников, важно прохаживались учителя и стайками собирались старшекласники. Кате хотелось кружиться в танце, пить колющее шампанское, смеяться без причины и ни о чем не думать. Позади осталась школа, впереди было только прекрасное и интересное. Хотелось дышать полной грудью и радоваться жизни. Вадик подошел сзади, по-хозяйски притянул ее за талию и горячо прошептал на ухо:

–Я уже все подготовил. Едем послезавтра. Тетка нас ждет в гости. Правда, здорово?!

–Какая тетка? Какие гости? Ты о чем? – она задавала вопросы и чувствовала, что радость выпускного вечера померкла от его слов. Она уже забыла о разговоре под лестницей, да и вообще не восприняла его мальчишеский порыв серьезно.

–Ты что забыла? Мы же собирались расписаться сразу после выпускного... Я уже и билеты заказал.

–Вадик, прости, я не думала, что ты серьезно говоришь. Я абсолютно не собираюсь в ближайшее время замуж. Впереди студенческая жизнь. А еще мне кажется, ты не должен поступать со мной на исторический факультет. Ты технарь по сути, вот и иди по своей дорогой, – она смотрела на него и понимала, что он не слышит ее доводы, что он сильно обижен и не понимает, почему она так жестоко поступает с ним

Вадик пристально смотрел ей в глаза и молчал. Потом молча развернулся и быстро ушел сквозь толпу.

Ася медленно приходила в себя. Немного дрожали руки. В голове звенело. Подташнивало. Все как обычно после приступа. Зато теперь она знала, как все происходило на самом деле в мамином прошлом.

В детстве она боялась подобного состояния. Очень часто ей виделись незнакомые люди, и она принимала свои видения за обыкновенные сны. Правда, не всегда приятные. Иной раз даже жуткие. Как все дети, просыпалась ночью и плакала. Родители ее успокаивали, обнимали, целовали. Она рассказывала, что ее испугало. Вскоре об этом забывали. Проходило время, и все повторялось.

Так было до тех пор, пока малышка не рассказала о том, что видела во сне, как хоронили соседа дядю Борю. Через неделю папин сослуживец, майор авиации попал в автомобильную аварию по дороге с аэродрома и погиб. Родители вспомнили, о чем ночью рассказывала Ася, и ужаснулись. Потом долго успокаивали себя тем, что это обычное совпадение.

Однако вскоре на одной из вечеринок девочка снова их удивила, когда, познакомившись с новыми друзьями, приехавшими из дальнего гарнизона, заявила, что дядя Слава будет мужем тети Светы, потому что она видела во сне, как они женились. Взрослым было очень неудобно, ибо на тот момент у дяди Славы и тети Светы были другие семьи, и разводиться никто не собирался. Родители Аси извинились за фантазии своей дочери. Однако не прошло и полгода, как предсказания девочки сбылись. У сослуживцев состоялись два развода и планировалась одна свадьба.

Маленькая Ася, узнав об этом, только улыбнулась и сказала, что тетя Света будет на свадьбе в красивом голубом платье, а на голове у нее будут яркие синенькие цветочки. Так и случилось.

После этого мама начала водить Асю в церковь, отчего папа, кадровый военный, пришел в ужас и запретил ей заниматься глупостями. Тогда мама обратилась к психологу в окружном военном госпитале, и тот, выслушав ее, честно сказал, что наука в таких случаях бессильна.

Родителям либо нужно научиться жить с таким ребенком, либо поискать бабок-знахарок, которые подскажут, что с этим делать. Мама выбрала второе, взяв первое на вооружение.

С тех пор Ася помнила бесконечную череду поездок по маленьким городкам и деревням, где мама показывала ее всяким разным старушкам, которые помочь не помогли, но как-то отвлекли маму от проблем с дочкой и убедили в том, что ничего страшного не происходит, бывает и хуже. Мама теперь просто успокаивала себя и мужа, пытаясь найти рациональные объяснения тому, что Ася видела во сне. Правда, не всегда получалось.

Особенно неприятны были последствия асиних сновидений. Девочке становилось очень плохо, поначалу даже приходилось обращаться к врачам. Вот и сейчас Ася с трудом приходила в себя. Когда ей виделось прошлое, всегда дольше приходилось восстанавливаться. С будущим особых проблем никогда не наблюдалось.

Ася с трудом поднялась с постели и, держась за перила, на дрожащих ногах спустилась вниз, в ванную комнату. Умывшись холодной водой, девушка почувствовала себя лучше. Она решила выйти на крыльцо и подышать свежим воздухом. Однако в этот момент зазвонил городской телефон. От неожиданности Ася даже подпрыгнула. Оказывается, аппарат находился в гостиной наверху, и она бегом по лестнице бросилась на непослушных, ватных ногах. Звонил Филипп. Голос его звучал глухо, словно издалека.

– Кассандра, ты меня слышишь?

– Да. Да... Вы где?

– Я на месте. Слушай меня внимательно. Твои родные, действительно, погибли. Я очень сочувствую тебе. Ты по-прежнему в опасности, поэтому никуда не исчезай. Оставайся на месте до моего приезда. Мне придется задержаться до выяснения обстоятельств. Ты слышишь меня?

– Да. Я вас слышу. Да. Я вас поняла.

Она слушала длинные далекие гудки и совсем не чувствовала ног. Без сил девушка опустилась на пол возле мягкого дивана и заплакала.

Слезы текли быстро, безостановочно. От них становилось горячо щекам. Влаги было много, и Асе казалось, что она захлебнется в этом соленом потоке. Было горько и обидно еще от того, что обжигающие дорожки слез совсем не приносят облегчения.

Словно со стороны Ася услышала свой голос, по-бабьи подвывающий в звенящую пустоту чужого дома. Сколько прошло времени, девушка не знала. Она то проваливалась в черное забытье, то приходила в себя и, осознав, что случилось, снова заливалась слезами, почему-то ощущая несоленость капель на щеках. «Это значит, что я очень давно плачу. Наверное, уже глубокая ночь. Нужно встать на ноги хотя бы для того, чтобы спуститься вниз, поближе к воде и двери. Хотя зачем? Я не хочу жить. Умру здесь. И никто меня не найдет». И снова слезы текли из глаз.

Она очнулась ранним утром, когда за окном уже несмело румянилось солнце. Звук церковных колоколов привел ее в чувство. Тяжело поднявшись, Ася спустилась вниз, боясь пропустить ступеньку на лестнице. Она четко помнила, что произошло вечером, и о чем ей сообщил Филипп. Всплеск отчаяния лишил ее физических сил, но голова, хотя и с трудом, соображала.

Ее родители погибли. Друг отца ночью, в тайне от всех, увез ее из лагеря, тем самым спас ей жизнь, потому что именно в эту ночь убили ее соседку по палатке, которая легла спать на ее место. Во все это абсолютно не верилось, но такова была реальность.

Ей, Асе, очень плохо, и совершенно не хочется жить, потому что она осталась совсем одна на свете. Но она уже однажды проходила этот путь, когда умерла мама. Тогда ее лечил очень хороший врач Борис Моисеевич, и благодаря ему, она знала, что ей нужно делать, чтобы не сойти с ума.

Ася зашла в ванную и включила горячую воду. Потом холодную. Потом опять горячую, пока тело не начало реагировать на потоки воды, льющейся сверху. Почистив зубы, она прошла на кухню и заварила себе крепкий чай. Насыпав в чашку две ложки сахара, она медленно, не торопясь, выпила показавшийся ей безвкусным напиток, и начала собираться на прогулку.

Ася помнила, что теперь нужно много гулять на свежем воздухе среди людей и не давать воли черным мыслям. Не думать о близких, которые оставили ее, невозможно, значит нужно вспоминать о них, рассказывать кому-либо о том, какими они были. Собеседника не предвиделось, а вот гулять можно целыми днями в парке. Конечно, неплохо было бы найти нужные лекарства, но их без рецепта не получишь, а искать врача и посвящать кого-либо в свою проблему, было нельзя.

Девушка решила зайти в аптеку и обойтись обычными успокоительными средствами. Она хорошо помнила, насколько страшным может оказаться отчаяние, и как тяжело выходить из настоящей депрессии. И еще она помнила, что главное найти цель, ради которой стоило оставаться жить на земле, и, захлебываясь в своем горе, все же не идти ко дну.

Очнувшись утром, она осознала, что не может сломаться, не узнав, кто совершил покушение на ее жизнь и стал виновником гибели отца, Ани и Катюшки. Сдаваться она не имела морального права.

Вскоре Ася оказалась на прогулочной дорожке в знаменитом кисловодском парке. По дороге сюда она немного постояла в раздумье перед православным собором, украшавшим небо сверкающими на солнце золотыми куполами, но не решилась туда войти. Она не чувствовала смирения в своей душе и готовности принять испытания, посланные ей свыше, поэтому лишь ускорила шаг и углубилась в тень огромных деревьев.

Туристы по-разному подходили к пешим прогулкам. Одни передвигались чинно семьями, любуясь окружающей их природой, развлекаясь, глядя на прыгающих белок, кото-

рые в любой момент были готовы спуститься и запрыгнуть на руку, рассчитывая полакомиться орешками.

Другие занимались спортом, бегая среди высоких деревьев.

Асю устраивало, что и первые, и вторые были заняты только собой, своим здоровьем.

Именно в парке Ася нашла себе прибежище в следующие дни.

Девушка, на которую никто не обращал внимания, проходила по широким аллеям, вдыхая сухой хвойный дух деревьев, согретых ласковым, каким-то осторожным солнцем, столь непохожим на безумное степное светило. Здесь все было по-другому – ненавязчиво наполнено негой, подчинено покою и отдыху.

Спокойнее на душе не становилось, боль все так же терзала и разъедала сознание. Однако Ася, не доходя до долины роз, сворачивала на узкую тропинку и уходила ото всех вверх в заросли незнакомых кустов.

На небольшой полянке лежало поваленное дерево, на стволе которого Ася просиживала по несколько часов, слушая пение птиц и глядя вниз на кроны огромных деревьев.

Чтобы избавиться от мыслей о случившемся, Ася погружалась в прошлое. Снова и снова она просматривала картинки из своего детства и вспоминала, вспоминала, вспоминала.

Глава 2

Первое сентября в том давнем году, когда Ася пошла в первый класс, выдалось ярким, теплым и солнечным. Маленькая девчушка с огромным букетом бордовых георгинов одиноко стояла посреди шумного школьного двора. Вокруг царило всеобщее торжество. Казалось, что все охвачены единым порывом радости.

Мимо первоклассницы Аси проходили взволнованные малыши в школьной форме, судорожно вцепившиеся в руки своих родителей.

Независимо пробегали мальчишки и девчонки постарше, всем своим видом показывающие, что они здесь чувствуют себя, как рыба в воде.

Гордо вышагивали длинноногие старшеклассницы в модно коротких форменных платьях, украшенных пышным шелком и кружевом белоснежных фартуков.

Всем было радостно и весело. Повсюду звучал смех. Только Асе было тоскливо и грустно в этот день. Когда она проснулась утром, оказалось, что поздно ночью маму отвезли в больницу, папа вернулся домой лишь затем, чтобы разбудить дочь и помочь ей собраться в школу. Они в полном молчании наскоро выпили чай, закусив бутербродами с колбасой. Потом папа посадил её в машину, по дороге купил тяжелый и мокрый букет цветов. Он почти не разговаривал с дочерью, все время поглядывая на часы, и явно торопился. Ася боялась сказать ему о том, что мама вечером обещала ей завязать пышные банты, которые они все вместе выбирали еще в начале лета в самом большом магазине города.

Сейчас глядя из окна машины на великолепие проплывающих мимо бантов и бантиков, девочка чувствовала себя несчастной. Все шли с мамами и папами за руку, были довольны и счастливы, а она переживала из-за того, что маме стало хуже и что первый день в школе, которого она так ждала, пройдет столь нерадостно. Да еще волосы на голове были небрежно стянуты в неопрятный хвост старой растянувшейся зеленой махровой резинкой, потому что больше она ничего не смогла с ними сделать.

Папа высадил ее возле школьного забора, наспех поцеловал и резко сердитым голосом сказал:

– Ты все понимаешь, ты уже взрослая девочка. Я должен ехать в больницу к маме. После школы сразу домой. Ключи у тебя есть. Дойти сможешь? Не заблудишься? Дорогу помнишь? – и, не дожидаясь ответа, уехал, даже не оглянувшись.

Ася побрела, с трудом удерживая портфель и неудобные георгины. Каким-то чудом она нашла свой класс, отдала суровой учительнице букет и вместе с другими детьми, взяв за руку толстого зареванного мальчишку, пошла на первую в своей жизни школьную линейку.

Что там происходило, она впоследствии вспомнить не могла. В памяти осталось сопение маленького толстяка, который так и не выпускал ее ладонь, сильно сжимая свои потные пальцы. Звали его Геркой Зацариным, и именно он следующие несколько лет сидел с Асей за одной партой.

Герка был жутким плаксоём, которого все дразнили и обижали. Первого сентября, после того, как родители оставили Герку в классе, второгодник Киреев обозвал толстого малыша жиртрестом и пообещал после школы отлупить. Пожаловаться на него учительнице с громоздким именем Маргарита Григорьевна Герка не решился, но расстроился так сильно, что к началу линейки даже икал от безутешных рыданий.

Обо всем этом Ася узнала много позже, а в тот день она сочувственно посматривала на изревшего мальчишку и раздумывала над тем, что же могло приключиться в жизни этого несчастного.

Маргарита Григорьевна, будучи женщиной по натуре своей жесткой, слез не одобряла и на всхлипывающего первоклассника смотрела строго и с раздражением. Девочка с зеленой резинкой на волосах вместо положенного пышного белого банта, стоявшая рядом с толстяком, по всей видимости симпатии у нее тоже не вызвала, поэтому эту странную парочку она поставила в строй последними и посадила в самый дальний угол класса. На тот момент Асе было абсолютно все равно с кем сидеть и где. Она хотела, чтобы все побыстрее закончилось, и она бы могла убежать домой, а там уже всласть поплакать.

Наверное, так бы и случилось, если бы она не встретила Аню, то есть молодую учительницу группы продленного дня Анну Ивановну, которая заприметила одинокую девочку, сидящую на скамейке у спортивной площадки и ковыряющую носком лаковой туфельки пыльную траву.

Ася уже наплакалась и теперь раздумывала над тем, что ей делать дальше: идти домой, где ее никто не ждет или же решиться на поход в больницу, за который обязательно отругает папа, а главное, неизвестно, удастся ли ей туда пойти, поскольку дорогу от школы до больничного городка, она представляла не очень точно, а расстояние было приличное. Зато, если все получится, она увидит маму и до вечера будет с родителями, а не под соседкиным присмотром в пустой квартире.

Мысли эти совсем измучили ребенка, и Ася готова была снова расплакаться от отчаяния. Девочка уже начала хлюпать носом, когда к ней подошла стройная высокая девушка в строгом костюме и очками в тонкой, почти невесомой оправе. Она присела на корточки перед малышкой и спросила ласковым голосом:

– Почему ты сидишь здесь одна и плачешь?

– Я не плачу, – всхлинула Ася, мужественно пытаясь сдержать слезы, и, не сумев справиться с волнением, все-таки расплакалась.

Девушка не стала больше ни о чем расспрашивать, а просто прижала Асю к себе и дала ей вволю пострадать. Когда ребенок понемногу притих, она извлекла из красивой блестящей серой сумочки носовой платок необыкновенной белизны, высморкала Асе нос, как малышкой, и после этого, достав откуда-то расческу, молча принялась заплетать ей волосы.

– У тебя есть бантики или косичку завязать резинкой?

Ася поспешно достала пышное великолепие из портфеля.

Анна Ивановна восхитилась:

– Какая красота! Сейчас ты станешь прекрасной принцессой с шикарными косами. У тебя красивые волосы, между прочим.

Притихшая Ася ничего не говорила в ответ, лишь преданно смотрела на неизвестно откуда появившуюся добрую фею, рядом с которой охватившее ее отчаяние постепенно сходило на нет.

– Ну, вот, а теперь пойдем поищем твоих родителей, пора уже собираться домой, праздник закончился, – девушка обняла ее еще крепче и поцеловала в лоб, пытаясь поднять малышку. Ася покорно встала со скамейки и всхлипнула.

– Я не хочу домой. Папа сейчас в больнице у мамы. А как туда идти я не знаю.

– А какая это больница ты знаешь? Я могу проводить тебя.

Ася была очень благодарна девушке за то, что она ни о чем не расспрашивает ее, а лишь предлагает помощь. Девочка очень четко выговорила: «Городской онкологический центр». Анна Ивановна вздрогнула, ее глаза стали влажными, и Асе показалось, что она сейчас тоже начнет плакать. Но девушка собралась с силами, улыбнулась Асе и предложила:

– Только давай я сфотографирую тебя на фоне школы, у меня есть полароид, мы подарим твоей маме снимок, ей будет приятно. Согласна?

Ася лишь кивнула в ответ. Дальше она во всем слушалась свою новую взрослую подругу. Аня ее сняла заморским фотоаппаратом с портфелем и букетом, который появился у нее неизвестно откуда. Это был не ее букет георгинов, его она подарила недоброй учительнице в классе. Сейчас в руках у нее оказались пушистые крупные белые астры, от которых пахло уходящим летом.

Фотография получилась яркой, солнечной. Асе она очень понравилась, и девочка удивилась, что выражение лица на фотографии, несмотря на утренние слезы, почти счастливое. Наверное, она очень обрадовалась участию незнакомого взрослого человека.

Потом Анна Ивановна, которая, наконец, ей представилась и объяснила, что она воспитатель группы продленного дня, проводила Асю в больницу, предварительно накормив ее булочкой с соком в школьном буфете.

В больнице их встретил папа, он мимоходом поблагодарил Анну Ивановну, проводил Асю к маме в палату. Мама очень обрадовалась фотографии, которую принесла ей Ася, она поставила ее на тумбочку в изголовье кровати.

Конец дня для Аси оказался более праздничным и радостным, чем его начало. Маме стало лучше, она расспрашивала дочь, понравилось ли ей в школе, интересной ли была линейка. Как учитель, она вникала во все тонкости, и Ася решила не делиться с ней своими впечатлениями о своей учительнице, которая первокласснице показалась злой и равнодушной. Зато девочка с удовольствием рассказывала об Анне Ивановне, показавшей ей и школу, и классы, и буфет.

Пока мать с дочерью разговаривали, папа съездил в кондитерскую и привез большой шоколадный торт, коробку конфет и яркий пакет яблочного сока. Втроем они отметили первое сентября, смеясь и вспоминая какие-то моменты этого знаменательного дня и в жизни родителей.

Поздним вечером папа с Асей вернулись домой, договорившись в выходные пойти за новой куклой в подарок дочери. Засыпая, девочка снова почувствовала себя почти счастливой.

Как ни странно, но воспоминание о первом школьном дне было последним счастливым воспоминанием, связанным с мамой. Потом ее болезнь стала доминирующей во всех семейных отношениях, и кроме маминого ухудшающегося самочувствия больше дома ни о чем не говорили.

Зимой приехала баба Вера, мамина мама. Она вела хозяйство, водила внучку в школу, часто плакала, прижимая девочку к своему мягкому толстому животу, и шептала ей на ухо, что мама очень сильно болеет и что это ее, Веру, бог наказал за неведомые грехи.

Асе было страшно еще и от того, что бабушка называла ее сиротинкой горемычной, а маму ангелом болезным. От странных незнакомых слов веяло безысходностью, от бабушки пахло старостью и нафталином.

Лишь в школе, в группе продленного дня ей было хорошо и спокойно. Когда она пришла туда в первый раз с другими ребятами из своего класса, она увидела Анну Ивановну и подбежала к ней, как к давней знакомой. Девушка, несмотря на внешнюю строгость и серьезность, обняла Асю и поцеловала ее в макушку. Между ними сразу завязались почти родственные отношения.

Анна Ивановна помогала делать домашние задания, гуляла с ребятами в школьном саду и даже играла с ними на спортплощадке в выбивного. Веселую красивую учительницу любили абсолютно все ученики, но Ася просто не представляла, во что бы превратилась ее жизнь, если бы с ней рядом не оказалась эта добрая молодая девушка.

После похорон мамы баба Вера заявила, что заберет внучку к себе. Ася расплакалась навзрыд, и ее долго не могли успокоить. Отец поссорился с тещей, но дочь не отдал. Если бы он поступил иначе, Ася вряд ли его бы простила.

Однако после отъезда бабы Веры, которая поспешила вернуться в родной город, квартира опустела, и девочка осталась один на один со своей бедой. Отец, который несколько лет назад уволился из армии, с головой ушел в работу, его бизнес в то время только набирал обороты, требуя неусыпного внимания и полной самоотдачи, что позволяло хотя бы на время отключиться от горестных воспоминаний. Дома он появлялся крайне редко и почти совсем не общался с дочерью. Все заботы о ребенке он поручил сердобольной соседке тете Маше, которая готовила обеды и два раза в неделю убирала в квартире. Она же каждое утро будила Асю в школу, варила ей манную кашу на завтрак и провожала из дома.

Возвращалась Ася после продленки в пустой дом, где на кухне под пуховым платком ее ждал обед. Но даже с тетей Машей она встречалась лишь на следующее утро – у женщины были муж-алкоголик и двое великовозрастных сыновей-балбесов, все вечера она проводила с ними. Папа же приходил поздно вечером, уставший и неразговорчивый. Через месяц Ася совсем перестала разговаривать с окружающими ее людьми.

Первой тревогу забила именно Анна Ивановна. Асина учительница Маргарита Григорьевна просто ставила замолчавшей девочке двойки. Вспоминая позже эту суровую тетку, Ася так и не смогла уяснить для себя, была ли учительница равнодушным человеком по отношению ко всему миру или не любила именно ее, ученицу Быстрову. В любом случае, учиться под началом Маргариты Григорьевны было очень нелегко.

Каждое утро начиналось с переключки, после которой следовали замечания по поводу внешнего вида детей.

Бедной Асе никак не удавалось превратиться в аккуратную ученицу. Ее мягкие пушистые волосы расплетались постоянно, поэтому же она вечно теряла банты. К тому же нарукавники на форме девочки никогда не бывали пришиты ровно и редко отличались белизной.

Маргарита Григорьевна буквально упражнялась в остроумии, рассказывая всему классу, как плохо быть такой неряхой и неумехой, у которой прическа, воротнички, нарукавники и даже тетради выглядят так, словно она живет в каменном веке, где человечество еще не знало мыла и расчески. Дети смеялись над Асей, читали для нее отрывки из «Мойдодыра»: «Ты один не умывался и грязнулею остался...», дразнили замарашкой.

Поначалу она плакала прямо на уроке, чем раздражала учительницу еще больше. Дома же тетя Маша каждое утро старательно заплетала ей тощие косицы, рассыпающиеся еще до того, как девочка переступала порог класса. А потом Ася перестала плакать и мучиться с непослушными волосами. Она стягивала хвост аптекарской черной резинкой, а насмешки учительницы и одноклассников слушала, сцепив пальцы рук с такой силой, что на них оставались синяки. Но теперь из ее глаз не проливалось ни одной слезинки. Девочка просто молчала и, не отрываясь,

смотрела в парту, изучая крашенную зеленой краской поверхность так, словно ей предстояло сдавать экзамен на знание каждой трещинки.

Постепенно одноклассники оставили ее в покое, лишь изредка обращая внимание на ее упрямое молчание. Маргарита Григорьевна же по-прежнему каждый новый день начинала с того, что отчитывала Асю за неопрятность, но уже скорее по привычке на кого-то ворчать, чем со зла.

Совершенно случайно от кого-то из детей об этом узнала Анна Ивановна. Молодая учительница пыталась поговорить с Маргаритой Григорьевной, образумить ее, объяснить ей, что у девочки сложный период в жизни, но классный руководитель была тверда в своих убеждениях и Асю в покое не оставляла.

Неизвестно, чем закончилось бы это противостояние, если бы дочь Маргариты Григорьевны, которая жила на Камчатке, не родила бы двойню. Роль бабушки пришлось Маргарите Григорьевне по вкусу гораздо больше учительской, и она, недолго думая, покинула свой первый класс.

Наверное, тот день в череде слез и тоски оказался для маленькой Аси судьбоносным.

Вместо злой старой мымры учительницей стала молодая добрая Анна Ивановна, которая уже подружилась с девочкой и очень ей сочувствовала. Именно она настояла на том, чтобы отец обратился по поводу асиного состояния к психологу.

Беседы с пожилым врачом Борисом Моисеевичем, похожим на старого доброго Санта-Клауса, пошли на пользу. А может быть, жить стало легче, потому что изменилась обстановка в классе.

Асю больше никто не дразнил и не обижал. Анна Ивановна сама заплетала Асе по утрам косички. А чтобы волосы не рассыпались, она подарила ей красивый ободок с разноцветными стразами, от которого малышка была в восторге.

Вскоре Ася незаметно для себя снова начала разговаривать, а в первый день летних каникул, когда всем классом пошли в поход, улыбнулась шутке одноклассника, того самого толстого Герки, над которым раньше все потешались с молчаливого согласия старой учительницы.

С приходом Анны Ивановны отношения ребят в классе изменились, все стало терпимее и добрее. Теперь ссорились все реже, чаще собирались вместе с Анной Ивановной и ходили в кино или цирк, гуляли в парке.

Для Аси, с которой дома некому было общаться, школа стала спасением от одиночества. По утрам она спешила в класс, чтобы увидеть свою взрослую подругу. Как ни странно, но эти дружеские отношения никак не влияли на взаимоотношения в классе. Ася очень уважала Анну Ивановну и старалась ее никогда не подводить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.